

СТАРШАЯ ЭДДА

ПЕРЕВОД АНДРЕЯ КОРСУНА

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

МИФ

Оглавление

Предисловие 7

ПЕСНИ О БОГАХ

Прорицание вёльвы 53

Речи Высокого 64

Речи Вафтруднира 84

Речи Гримнира 92

Поездка Скирнира 103

Песнь о Харбарде 110

Песнь о Хюмире 116

Перебранка Локи 123

Песнь о Трюме 135

Речи Альвиса 141

ПЕСНИ О ГЕРОЯХ

Песнь о Вёлунде 149

Песнь о Хельги, сыне Хьёрварда 156

Первая Песнь о Хельги Убийце Хундинга 164

Вторая Песнь о Хельги Убийце Хундинга 173

Пророчество Грипира 185

Речи Регина 194

Речи Фафнира	200
Речи Сигдривы	208
Отрывок Песни о Сигурде	214
Первая Песнь о Гудрун	219
Краткая Песнь о Сигурде	224
Поездка Брюнхильд в Хель	233
Вторая Песнь о Гудрун	236
Третья Песнь о Гудрун	243
Плач Оддрун	246
Гренландская Песнь об Атли	251
Гренландские Речи Атли	258
Подстрекательство Гудрун	271
Речи Хамдира	275

**ЭДДИЧЕСКИЕ ПЕСНИ,
сохранившиеся не в основной рукописи
«Старшей Эдды»**

Сны Бальдра	283
Песнь о Риге	287
Песнь о Хюндле	294
Песнь о Гротти	301
Песнь валькирий	306
Песнь о Хлёде	309
Комментарии	317
Источники иллюстраций	349

Предисловие

«Старшая Эдда» — это не только памятник, в котором представлены очень разнообразные стили — торжественно-приподнятый и сугубо прозаический, шуточный и элегический, стиль перебранки и стиль заклинания, — но это также памятник, который, как всякое выдающееся художественное произведение, открывается читателю своими разными сторонами в зависимости от того, с какой точки зрения он рассматривается, и никогда не открывается сразу весь и до конца. Поэтому о «Старшей Эдде», как о всяком выдающемся художественном произведении, могут быть справедливы прямо противоположные высказывания.

С одной стороны, «Старшая Эдда» — это мир яркой фантастики, мир, где среди молний по небу скачут валькирии, драконы сторожат сокровища, боги вмешиваются в судьбу людей, — мир, который возник из тела убитого великана и погибнет во время последней битвы богов с чудовищами, когда звезды сорвутся с неба и огромный волк проглотит солнце.

С другой стороны, «Старшая Эдда» — это мир вполне конкретной действительности, мир четких и резких очертаний, где переживания выражаются только посредством действий или лаконичных высказываний, люди оцениваются критически и даже боги наделены всеми слабостями и пороками людей, — мир трезвой и пессимистической морали, не освященной никакими сверхъестественными авторитетами.

«Старшая Эдда» — это литературный памятник, который уходит своими корнями в глубочайшую древность. В ней отразилась не только так называемая эпоха викингов, то есть эпоха, когда сложились скандинавские народности и государства и скандинавский язык — еще общий для всей

Скандинавии — был в силу викингских завоеваний одним из самых распространенных языков Европы, но также и многие события, имена, обычаи, сказания и мифы той значительно более древней эпохи, когда варварские германские племена столкнулись с Римом и на его развалинах основывали свои первые государства. В «Старшей Эдде» отразились некоторые мифы и той еще гораздо более древней эпохи, когда складывалась индоевропейская языковая общность, то есть языковая общность большинства европейских народов.

Вместе с тем «Старшая Эдда» — это памятник чисто исландский, плоть от плоти исландского народа, понятный только в контексте живого исландского языка, исландской поэзии вообще и природы Исландии. Если бы исландский язык — он почти не изменился с эпохи, к которой относится рукопись «Старшей Эдды», — не был и сейчас живым языком, многое в этом памятнике осталось бы совершенно непонятным. Очень богатая синонимика, конкретность значений и лаконизм выражения и сейчас характерны для исландского языка. Сравнительно мало изменился в Исландии и строй стиха: до сих пор исландские поэты не могут обойтись без регулярной аллитерации. Наконец, мир «Старшей Эдды» с его фантастическими и резкими контурами — это мир исландской природы с ее голыми базальтовыми горами, лавовыми полями, пустынными каменистыми плоскогорьями, ее кра-терами и водопадами.

«Старшая Эдда» — очень простой и доходчивый литературный памятник; в ней есть только факты и события или высказывания персонажей, участвующих в этих событиях; в ней нет никаких рассуждений и мудрствований.

Однако, при всей внешней безыскусственности и простоте, в мировой литературе трудно найти памятник более спорный и загадочный, чем «Старшая Эдда», — памятник, который бы больше изучался, в большей мере был бы предметом спора между учеными и содержал бы поэтому больше неясного. Сотни ученых всего мира исследовали «Старшую Эдду» с самых разнообразных точек зрения. Работы о ней уже могли бы составить обширную библиотеку. Но конца ее исследования не видно.

Все же, несмотря на деятельность сотен ученых, кое-что о «Старшей Эдде» известно.

НАЗВАНИЕ, РУКОПИСЬ, ТЕКСТ

Слово «Эдда» значит теперь совсем не то, что оно значило когда-то, а что оно значило первоначально — вообще неизвестно. В Средние века так называлась книга, написанная в 1222–1225 годах знаменитым исландским историком и поэтом Снорри Стурлусоном (1178–1241). На одной из рукописей его произведения есть надпись: «Книга эта называется Эдда, ее составил Снорри Стурлусон». Возможно, что она была названа так самим автором. Книга эта представляет собой учебник поэтического искусства и содержит обзор языческой мифологии (в той мере, в какой эта мифология была основой поэтической фразеологии), обзор поэтической фразеологии с многочисленными иллюстрациями из старых исландских авторов и образцы стихотворных размеров, сочиненные Снорри Стурлусоном и составляющие вместе целую поэму. Книга эта была учебником того вида поэтического искусства, которое издавна процветало в Исландии и называется «поэзией скальдов», или «скальдической поэзией». Основные черты этой поэзии — во-первых, осознанное авторство: все скальдические стихи имеют авторов, и эти авторы и называются «скальдами»; во-вторых, чрезвычайно вычурная форма; в-третьих, актуальное содержание: поэзия скальдов — это хвалебные песни, поносные стихи или стихи к случаю. Поэзия скальдов совсем непохожа на ту поэзию, которая теперь всегда связывается с названием «Эдда»; можно даже сказать, что поэзия скальдов противоположна ей. Однако в Средние века в Исландии называли «искусством Эдды» именно поэзию скальдов, ее вычурную и темную фразеологию.

Неясно, почему книга Снорри Стурлусона получила название «Эдда». Есть три этимологии этого слова. Одни считают его производным от «Одди», названия хутора, где Снорри воспитывался и, может быть, нашел материалы для своей книги. «Эдда» в таком случае значит «книга Одди». Другие

производят слово «Эдда» от *ǫðr* — слова, которое иногда имело значение «поэзия». «Эдда» в таком случае значит «поэтика». Третьи отождествляют название книги Снорри со словом «эдда», которое встречается в одной древнеисландской песни и, по-видимому, значит «прабабушка». В этом случае книга Снорри была почему-то названа «прабабушкой». Все три этимологии были выдвинуты давно и по очереди снова выдвигаются и отвергаются.

В XVII веке — эпохе скандинавского «ученого ренессанса» — в Дании и Швеции пробудился интерес к древним памятникам, и в Исландии — тогда датской колонии — стали усиленно собирать древние рукописи. Но представления ученых того времени о древней литературе часто были фантастическими. В частности, у них были преувеличенные представления о деятельности исландского ученого Сэмунда Сигфуссона (1056–1113), который в Средние века прослыл в народе могущественным чернокнижником, сумевшим перехитрить самого черта. Ему приписывалась универсальная мудрость, и сложилось представление, что Снорри Стурлусон в своей «Эдде» основывался на сочинении Сэмунда. Так, один из исландских ученых и любителей древностей, епископ Бриньольв Свейнссон, писал своему коллеге зимой 1641/42 года: «Где огромные сокровища всей человеческой мудрости, записанные Сэмундом Мудрым, и прежде всего прославленная Эдда, от которой у нас теперь осталась, кроме имени, едва ли тысячная доля и которая не сохранилась бы совсем, если бы извлечения Снорри Стурлусона не оставили бы нам скорее тень и след, чем подлинный состав древней Эдды?» Неудивительно, что, найдя в 1643 году древний пергаментный кодекс, содержащий ряд песен о богах и героях, — тех самых богах и героях, о которых говорится и в книге Снорри, — Бриньольв решил, что он нашел произведение самого Сэмунда, послужившее основой для Снорри, и написал на списке с найденного им кодекса: «*Edda Saemundi multiscii*», то есть «Эдда Сэмунда Мудрого». С этого момента слово «Эдда» приобрело совершенно новое значение. В этом новом значении оно вскоре было употреблено в печати, и хотя впоследствии было установлено, что

найденные Бриньольвом песни не имеют никакого отношения ни к Сэмунду, ни к названию «Эдда», название это закрепилось за ними, и они стали называться «Эддой Сэмунда», «Песенной Эддой», песнями «Эдды», просто «Эддой» или «Старшей Эддой», тогда как книга Снорри Стурлусона стала называться «Эддой Снорри», «Прозаической Эддой» или «Младшей Эддой».

Найденный Бриньольвом пергаментный кодекс — одна из самых знаменитых рукописей мира — вскоре попал в Копенгаген. Большинство древних рукописей, найденных в Исландии, попадало в Копенгаген, меньшинство — в Стокгольм и Уппсалу. В Исландии не осталось ни одной. Кодекс, найденный Бриньольвом, хранится в Королевской библиотеке в Копенгагене и называется Codex Regius («королевский кодекс») 2365, или сокращенно CR 2365. Его история до того, как он был найден Бриньольвом, неизвестна. Но по орфографическим и палеографическим данным устанавливается, что он написан в Исландии во второй половине XIII века. Из характера ошибок в кодексе очевидно, что он представляет собой список с несколько более древней рукописи. Об этой более древней рукописи ничего не известно (но ср. с. 49).

Королевский кодекс состоит из 45 листов размером около 19 × 13 см. В нем шесть тетрадей: пять по 8 листов каждая и одна, последняя, из 5 листов. Между четвертой и пятой тетрадями кодекса есть лакуна: по-видимому, не хватает целой тетради, 8 листов. Лакуна эта доставила много хлопот исследователям (см. об этом с. 214). На основании заголовков и абзацев в кодексе содержание его обычно делят на 29 песен — 10 мифологических и 19 героических. Между отдельными песнями, а иногда и между строфами одной песни, попадает проза, связующая, поясняющая или дополняющая текст песен. Некоторые из песен сохранились (частично или целиком) в других рукописях, а именно: 6 песен (2 целиком и 4 частично) сохранились в рукописи начала XIV века, хранящейся в собрании Арни Магнуссона в библиотеке Копенгагенского университета (сокращенно она называется AM 748); вариант одной песни, а именно «Прорицания вельвы», сохранился

в другой рукописи начала XIV века (она называется Hauksbók); фрагменты и пересказы ряда песен есть в рукописях «Эдды» Снорри Стурлусона, «Саги о Вэльсунгах» и «Рассказа о Норна-Гесте», — исландских прозаических произведений XIII века. Сравнение рукописного материала, и особенно CR 2365 и рукописей книги Снорри Стурлусона, показывает, что записи восходят к различным устным вариантам и бытовали до записи в устной традиции.

Название «Эдда» претерпело в дальнейшем еще некоторое расширение. Дело в том, что песни, аналогичные по стилю, стихосложению и содержанию тем песням, которые представлены в CR 2365, есть в некоторых других древнеисландских рукописях. Все такие песни, вместе с песнями основной рукописи, стали называться «эддической поэзией», или поэзией «эддического стиля». Эддическая поэзия отличается от поэзии скальдической тем, что авторы ее неизвестны, ее форма сравнительно безыскусна, а ее содержание — древние сказания о богах и героях или правила житейской мудрости. Вся древнеисландская поэзия распадается на эти два вида поэтического искусства — поэзию скальдов и эддическую поэзию. Впрочем, встречаются, конечно, и произведения промежуточного характера. В издания «Старшей Эдды» принято включать, кроме песен основной рукописи, и некоторые из других эддических песен, а именно те, которые всего ближе по содержанию к песням основной рукописи. Но количество таких дополнительных песен меняется от издания к изданию. Всего чаще ими бывали «Сны Бальдра», «Песнь о Хюндле», «Песнь о Риге» и «Песнь о Свипдаге». В наше издание включены также «Песнь о Хлёде» и «Песнь валькирий», но не включена «Песнь о Свипдаге» (она сохранилась только в поздних бумажных списках и, по-видимому, представляет собой подражание песням «Эдды»). В древнеисландской литературе есть еще много других песен эддического стиля. Так, в немецкий перевод «Эдды» Ф. Генцмера включено 26 песен, которых нет в CR 2365.

Все же знаменитыми стали только те песни, которые есть в CR 2365 или непосредственно примыкают к песням этой рукописи. Текст их издавался свыше тридцати раз, не считая

частичных изданий, а в переводе (на 16 различных европейских языков) — свыше ста пятидесяти раз. Слава их может сравниться только со славой «Илиады» и «Одиссеи». Изданием их занимались крупнейшие филологи-германисты, начиная с Якова Гримма и Расмуса Раска. Подготовка их издания требовала кропотливейшей текстологической работы. Достаточно сказать, что первое полное издание «Старшей Эдды» — копенгагенское издание с латинским подстрочником — вышло в течение 41 года (1787–1828), а издание, снабженное наиболее полными введением, глоссарием и комментариями, — издание Сеймонса и Геринга — в течение 43 лет (1888–1931) и устарело до того, как вышел его последний том. Классическим остается издание выдающегося норвежского филолога Суфюса Бюгге (1867), в котором впервые была дана точная и полная картина рукописного материала. В нашем переводе дается нумерация строф издания Бюгге, как это принято в современных изданиях текста «Старшей Эдды». Но перевод наш сделан по изданию Йоуна Хельгасона (1952–1954) и частично по первому изданию Неккеля.

В тексте «Старшей Эдды» много морфологических и синтаксических архаизмов, много слов, которые нигде больше не встречаются и, видимо» устарели уже в XIII веке. Но архаизмы не оставались в песнях нетронутыми. Они подновлялись или заменялись, вероятно, еще в устной традиции. Это видно из их фонетической формы. Поэтому язык рукописи — это все же язык второй половины XIII века. Раньше было принято восстанавливать так называемую первоначальную языковую форму песен и ставить более старые языковые формы на место тех, которые представлены в рукописи (например, *vas* на место *var*, *bláan* на место *blán* и т. д.). Сеймонс и Геринг часто делали это. Именно поэтому их издание устарело до того, как вышел его последний том. Теперь это делается все меньше и меньше: становится очевидным, что восстановить первоначальную языковую форму песен невозможно.

Так же обстоит дело с порядком строф и строк в песнях. Раньше было принято искать в песнях позднейшие вставки (интерполяции) и первоначальную форму. Путем удаления предполагаемых вставок, всевозможных перестановок и даже

досочинения добивались сглаживания всех противоречий и абсолютной логичности в композиции песни. В результате такой «высшей критики текста», как это называли немецкие филологи, от песни иногда оставалось буквально меньше четверти. То же самое делали и переводчики. Так, в немецком переводе «Эдды», выполненном Ф. Генцмером под редакцией А. Хойслера, видного немецкого специалиста по древнегерманской поэзии, переводе, который справедливо считается образцовым в отношении стиля и стихосложения, — строфы в песнях перетасованы, сокращены или расширены, из одной песни сделано несколько и т. д., в соответствии с представлениями Хойслера о первоначальной форме песен. Но дело в том, что разные исследователи восстанавливают первоначальную форму песен совершенно различно, в зависимости от их вкусов и взглядов. Поэтому становится все более очевидным, что восстановить ее невозможно. В нашем издании попытки исследователей восстановить первоначальную форму песен отражены только в комментариях.

СТИЛЬ

Между отдельными песнями «Старшей Эдды» есть довольно значительные стилистические различия: «Песнь о Трюме» стилистически близка к народной балладе, «Песнь о Хюмире» — к поэзии скальдов, «Песнь о Харбарде» очень прозаична, в «Речах Атли» много эпической вариации и т. д. Об этих стилистических особенностях отдельных песен говорится в наших комментариях. Все же есть у песен «Эдды» некоторые общие стилистические черты, отличающие их от поэзии скальдов, с одной стороны, и западногерманской (древнеанглийской и древне немецкой) эпической поэзии, с другой, и обеспечивающие им особое место среди памятников древнегерманской поэзии.

Для всей древнегерманской эпической поэзии характерен так называемый кеннинг, то есть замена существительного обычной речи перифразом, по меньшей мере двучленным, типа «дорога китов» (море), «морской конь» (корабль),

«раздаватель золота» (князь). В поэзии скальдов кеннинги достигают чудовищного развития. Там встречаются не только трехчленные, но и четырех-, пяти-, шести- и семичленные кеннинги: «тот, кто притупляет голод чайки звона блеска зверя Хейти» — это, оказывается, «воин», так как «зверь Хейти» — это «корабль», «блеск корабля» — это «щит», «звон щита» — это «битва», «чайка битвы» — это «ворон», а «тот, кто притупляет голод ворона» — это «воин». Многие кеннинги скальдов подобны загадкам и требуют знания мифологии, героических сказаний и скальдической поэтики. Часто они совершенно условны и выражают как бы не образ предмета, а его идею. Кеннинги в «Старшей Эдде» несравненно проще. Однако они менее просты и прозрачны, чем кеннинги в эпической поэзии западных германцев. Наряду с кеннингами типа «сын Одина» (Тор), «отец Магни» (тоже Тор) встречаются в «Старшей Эдде» и такие кеннинги, как «вепрь прибоя» (кит), «кит лавы» (великан), «змея крови» (меч), «гусята валькирий» (вороны), «яшень сраженья» (воин), «палка битвы» (меч), «земля ожерелий» (женщина) и т. п., которые едва ли понятны непосвященному. Впрочем, кеннинги типа «отец Магни» тоже требуют специальных знаний, а именно знания мифологических имен.

Для стиля «Эдды» вообще характерно обилие собственных имен. Оно придает стилю конкретность, но вместе с тем нередко затрудняет понимание. Значение многих из этих имен совершенно неизвестно. Некоторые из них, по-видимому, возникали вместе с песнью, были ее стилистическим украшением. Другие черпались из традиции и нередко восходят к глубочайшей древности. Иногда собственные имена скопляются в целые перечни, так называемые тулы (см., например, «Прорицание вельвы»). Обилие собственных имен в «Эдде», очевидно, связано с тем, что в древнеисландской поэзии еще давала себя знать древняя синкретическая традиция — совмещение поэзии с сообщением всяческих знаний (мифологических и т. п.). Но любовь к собственным именам стала и чертой, свойственной исландцам вообще.

Хотя в песнях «Эдды» немало традиционности выражения, характерной для фольклора, — повторяющихся формул,

словесных клише и т. д., — стиль их, именно в силу наличия кеннингов и обилия собственных имен, непохож на стиль народной поэзии позднейших эпох. Он кажется менее простым, менее непосредственным. Отсюда обычно делается тот вывод, что песни «Эдды» — это не фольклор, а «литература», и при этом указывается на значительные стилистические различия между отдельными песнями, как бы свою манеру в отдельных песнях. Вывод этот — пример недооценки специфики древней поэзии и условий ее бытования. Но о предрассудках в этой области будет речь ниже (см. с. 43–44).

Очень богатая синонимика и конкретность значений — специфические черты стиля «Эдды». Такие важные для героической поэзии слова, как «конунг», «битва», «меч» и т. п., имеют в языке «Эдды» множество поэтических синонимов, целые десятки. Но слов с абстрактным значением в языке «Эдды» вообще нет. Абстрактные понятия если и находят выражение в «Эдде», то посредством слов, которые одновременно имеют и вполне конкретное значение. Так, древнеисландское слово, которое означает «нужда» и «принуждение», в то же время значит и «оковы», «узы». Эти архаичные стилистические черты нельзя передать средствами современных европейских языков. Черты эти в большей или меньшей мере были характерны и для эпической поэзии западных германцев, но давно у них изжиты. В Исландии, напротив, эти черты получили дальнейшее развитие: они характерны не только для всей исландской поэзии, но и для исландского языка вообще. В современном исландском языке в ряде случаев надо выбирать между несколькими словами с конкретными значениями там, где другие европейские языки обходятся одним словом с более общим значением. С другой стороны, в силу некоторых особенностей исландского языка, он до сих пор пополняется не за счет заимствований из других языков (таких заимствований в нем до сих пор почти нет), а за счет переосмысления старых слов или их соединения в новые слова. Поэтому его словарь не только сохранил конкретность своих значений, но даже развил ее. В современном исландском языке нет тех невыразительных и лишенных национального колорита слов, которых так много всех других современных европейских

языках, особенно в языке науки. Так, например, словам «система», «витамин», «стерилизация», «динозавр» в исландском соответствуют, в буквальном переводе, слова «сноп» (kerfi), «вещество жизни» (fjörefni), «смертечистка» (dauðhreinsun), «тролль-ящерица» (trölleðla).

Наконец, специфически исландская черта в стиле «Эдды» — это компактность, лаконизм, стремительность. Именно эта черта всего больше отличает «Старшую Эдду» от эпической поэзии западных германцев. Не случайно такой излюбленный прием древнегерманской поэзии, как эпическая вариация, то есть повторение другими словами того же самого (обычно понятия, которое можно выразить существительным или его эквивалентом), в песнях «Эдды» представлена гораздо меньше, чем в памятниках эпической поэзии западных германцев. Пожалуй, лаконизм — наиболее существенное в стиле «Эдды» и наиболее исландское. Дело в том, что лаконизм — в значительной мере результат развития исландского языка. Благодаря тому что в исландском языке полностью отпали приставки и значительно сократились окончания, безударных слогов стало мало, ударение сконцентрировалось в корневом слого и слова приобрели исключительную компактность. Лаконизм песен «Эдды» — это в значительной мере отражение ритмической компактности самого исландского языка. Но о ритме исландского языка еще будет речь ниже.

СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Стих песен «Эдды» — это аллитерационный стих, форма стихосложения, которая возникла у германцев в глубокой древности, вероятно еще до нашей эры, и сохранилась всего дольше в Исландии. У западных германцев она представлена только в их древней литературе, а в других скандинавских странах — только в рунических надписях.

Сущность этой формы стихосложения — в аллитерации, в регулярном повторении начального звука слова. Аллитерация встречается и в русском стихе как случайное

украшение или средство усиления его выразительности. Например:

Котлом клокоча и клубясь...

А. С. Пушкин

Функция аллитерации в аллитерационном стихе — совсем другая. Она там не украшение стиха и не средство усиления его выразительности, а его основа. Она там употребляется не от случая к случаю, а в строго определенных местах и только в слогах, несущих смысловое ударение. Она связывает две соседние строки и определяет ритм, выделяя слоги, несущие смысловое ударение. Случайная аллитерация в этом стихе — не аллитерация. Роль аллитерации в этом стихе отчасти похожа на роль конечной рифмы в нашем стихе. Но роль аллитерации уже: она может связывать только *две* соседние строки. И шире: она не только *связывает* строки, но и *определяет ритм*. Поэтому стихи без конечной рифмы у нас вполне возможны. Стихи без аллитерации у исландцев, а раньше и вообще у германцев, были абсолютно невозможны.

Аллитерацию могли образовать одинаковые согласные (например: **meiri** — **minni**, **sandr** — **sær**, **gar** — **ginnunga**) или гласные, причем предпочитались разные гласные и йот тоже считался гласным. Например: **alda** — **Ymir**, **ormr** — **unnir**, **jörgð** — **æva**. Сочетания **sp**, **st**, **sk** могли аллитерировать только с этими сочетаниями. Например: **steins** — **stendr**, **spjöll** — **spaklig**, **Skuld** — **skildi**.

Ритм аллитерационного стиха очень разнообразен. В каждой строке должно быть два ударения, совпадающих со смысловыми ударениями. Количество же безударных слогов и их распределение в строке произвольны. Вернее сказать — не произвольны, а обусловлены только ритмом языка. Поэтому ритм песен «Эдды» сильно отличается от ритма древнеанглийского и древненемецкого аллитерационного стиха: германские языки значительно разошлись уже в эпоху древнейших памятников. Ритм песен «Эдды» компактнее и стремительнее, чем ритм западногерманских аллитерационных памятников. Вероятно, еще сильнее отличается ритм

«Эдды» от ритма германского аллитерационного стиха начала нашей эры.

В песнях «Эдды» количество слогов в строке варьирует от двух до десяти (но есть, конечно, излюбленные ритмы, обусловленные строем языка). Следовательно, в стихе «Эдды» нет ничего похожего на наш силлабо-тонический стих с его одинаковым количеством слогов в строке и регулярной последовательностью одинаковых стихотворных стоп — ямбов, хореев, дактилей и т. д. Ритм эддического стиха гораздо изменчивее и подвижнее, и он не сглаживает контрасты ударения в словах, как наш силлабо-тонический стих сглаживает их своей повторяющейся метрической схемой, но, напротив, усиливает эти контрасты, стилизуя речь в направлении большей эмфазы, большей торжественности. Такой характер ритма, вероятно, связан и с тем, что стих этот, по-видимому, не пелся и не исполнялся в музыкальном сопровождении.

В песнях «Эдды» встречаются два варианта аллитерационного стиха. Первый из них можно назвать «эпическим размером» (по-исландски он называется *fornyrðislag*). В этом размере каждые две строки связаны попарно аллитерацией, причем есть три возможности ее расстановки в этих строках.

1. Она может стоять в *первом* ударном слоге нечетной строки и в *первом* ударном слоге четной строки, например:

Austri ok Vestri
Alþjófr, Dvalinn...

Аустри и Вэстри
Альтьов, Двáлин...

2. Она может стоять во *втором* ударном слоге нечетной строки и в *первом* ударном слоге четной строки, например:

Par var Draupnir
ok Dólgrasir...

Это был Дрáупнир
и Дóльгтрáсир...

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

